

A black and white photograph taken from a low angle looking up at several tall, modern skyscrapers. The buildings are arranged in a way that they seem to converge towards the top of the frame. In the center of the sky, an airplane is flying. A street light is visible on the right side of the image. The sky is filled with light, wispy clouds. In the top right corner, there is a circular icon containing the text '16+'.

16+

Даниэль Агрон

Площадь

Повесть

Даниэль Агрон

Площадь

«ЛитРес: Самиздат»

1999

Агрон Д.

Площадь / Д. Агрон — «ЛитРес: Самиздат», 1999

Сюрреалистическое, полное загадок повествование о путешествии во внутреннем мире художника.

Даниэль Агрон

Площадь

По счастью, мы оказались в районе мокром, черном и центральном, с белым светом, только без грязи. Над нами стоял двухэтажный корпус медицинского факультета.

Город был как город и, правду сказать, за его пределами мы мало что знали. Никто не знал, кто он такой, только не знаю, было ли это для кого-нибудь важно. Так, например, я, желая вылечиться от простуды, и имея посоветованный кем-то способ водки с перцем, позвонил своему другу – аккуратному художнику и пригласил его к себе. Зная о стесненных обстоятельствах художника, я заблаговременно позаботился обо всем и купил несколько бутылок водки. Каково же было наше удивление, когда мы встретились и узнали, что и у него, и у меня по нескольку бутылок водки. А перец был черный, и водка не помогла, потому что надо было пить с красным, да еще и настаивать хотя бы пять минут.

Медицинский факультет тоже ничего не мог нам сказать. Внутри него было черно. Мы вспомнили об огромных фигурах, которые были такими загадочными и оказывались поразительно глупыми, стоили только с ними заговорить. Но и этого сейчас никак нельзя было сделать, потому что залы были пусты, сквозь них светили фонари, очень белые, и внутри было черно.

Мы много учились, а нас не хотели учить. Все очень много пили. Я не курил. Бывало так, что неслись грязные грузовые машины, которые вдруг превращались в большие, черные и тоже загадочные, а перевозили они достойных и содержательных людей, которых мы знать не могли, потому что, повторяю, никто не знал даже самих себя, что же делать... Сейчас вспоминать об этом очень странно, есть даже, как сейчас выражаются, некоторые проблемы; дело в том, что из тебя как будто наизнанку выворачивают целый город, он высыпается вниз и вдаль, и мы тоже вместе с ним, только нас нет давно. Все это может оказаться очень глубоким и концептуальным исследованием всяких теорий разных, которые с нами происходили, только я в это не верю и, получается, даже не знаю, во что.

Не знаю также, стоит ли пытаться вспоминать в таких деталях. Понимаете, ведь все равно получится что-нибудь другое, так что же себя и вас обманывать. Дневники вели другие, совсем реальные люди. А мы вести не хотели.

Шопен встал и перешел на другую сторону комнаты. При этом было сказано, что некогда совершенно справедливые люди основали Дивник. Строение его было удивительным и многообразным. Так, например, на некоторых страницах Дивника вообще ничего не было, а на других, напротив, было много интересных и совестливых мыслей. На третьей странице стояла запятая. На первой был эпиграф такого содержания:

*О, Дивник – начало века!
Вихри снежные крутя.*

Правила пользования Дивником были самые многообразные. Так, например, Дивник следовало заполнять. Дивник следовало почитать. Ему следовало поклоняться и приравнивать его к своему здоровью. Дивник следовало плевать и в ярости возить по полу, в особенности, если пол асфальтовый. При этом делаются какие-то упоминания о ваксе (а что это?..) и мировой литературе, в том смысле, что возишь Дивник, конечно.

Дивник следует и дальше исследовать. Он очень широко распространен в виде упоминания о том, как один человек был остановлен пешеходом, неожиданно его побил и стал виновен. Цвет Дивника голубой, со стальным – это там, где трубы, – и нежно-бирюзовым оттенками. И

надо ждать, потому что Дивник годится для людей, предпочитающих изыскания внутри самих себя и за его пределами, самих себя, я имею в виду, – это я так излагаю, но если кому-то так не нравится, то он это, соответственно, не любит. И тогда уже я ничего не могу поделать, потому что я, как и другие мои коллеги, занят чтением Дивника. Можно, конечно, утверждать, что их нет, этих моих коллег, а может, даже и меня – это в том случае, если вы одержимы манией разрушения, – но я боюсь, что в таких утверждениях очень мало смысла, а потом, они же есть, то есть, не утверждения, а коллеги, потому что читают Дивник, также как и я. Правда.

Имеющие дело с Дивником знают: им нельзя пить на ночь много холодного чая. Вместе с тем, некоторые полагают, что как будто вместо этого надо пить что-нибудь еще. Это неправильно, иногда может оказаться даже несуразно. Мне, например (я Дивник), всегда казалось, что это всё надо делать как-то по-другому, и чтобы пахло, скажем, горами. А коньяк, например – это условность. Условности следовало сделать реальностью, а мы не сделали. В этом наша роковая ошибка.

Шопен любит оказываться иногда на берегу озера и рассказывать много историй; тогда мы будто уходим отовсюду и переносимся к берегу навсегда. Шопен – кличка, а за берегом начинаются деревья, и туда не хочется.

Раздавленные массаами горя – Шопену не помеха. Ему нравится напиваться сладким вином и сочинять эти истории, которые он потом рассказывает. Кайма у всего этого багряная. Во всем этом есть много полезного и поучительного. И его обязательно надо поучить. Это очень важно и нужно, как если бы это было сущностью, которую вы в таких случаях обычно учите – вам ведь говорят? вы ведь делаете, учите? Надеюсь, никто в этом не сомневается, а я понимаю, что хотел этим уточнить. Всем поэтому хорошо.

Теперь перейдем к королеве.

Она умилительна.

Не знаю даже, когда и в какой день все это происходило, а вообще, есть уже, может, и такие, которые думают, что не происходило совсем, но это же неправда. Потому что все, что есть, когда-то происходило. И наоборот, все, что происходило, есть – или было, что, конечно, одно и то же. А откуда же ему тогда взяться, если его не было, глупость какая. Так вот, давайте о том, что было.

Это я так все, к слову; мне, честно сказать, трудно, потому что речь-то, конечно, будет идти и обо мне тоже, но хорошо, когда только о тебе, а то очень, конечно, не по себе, когда затронуты сферы, преисполненные высшего смысла. Сферы вздымаются и затуманиваются, а город – как город и видеть их и не видеть его может только подлинно, истинно и навсегда соприкоснувшийся с миром двора и королевы. Это не такой двор, который, пересекая, попадаешь на улицу или куда-нибудь еще. Этот не пересекаешь, а постоянно вдоль, и все время, наоборот, думаешь, как бы больше никогда ни во что другое не попасть. Потому что тебя уже тогда два – а как бы не больше – это очень неуютно, и один мельче другого.

Да, почему я так свободно об этом говорю – я же там служил. Было очень историческое время, потому что тогда в результате очень многих и титанических усилий и кропотливой работы королевой было постановлено, что необходимо решить многие и многие проблемы, для чего их решать с помощью, к которой прибегая, четности и нечетности, потому что весь мир так. Я, признаться, по сей день испытываю законную гордость, потому что не понимаю, как это можно незаконно испытывать. Я был чуть ли не основным сотрудником, отвечавшим за обеспечение и надлежащий порядок. Это очень ответственные и сложные материи, а ведь как просто мы здесь об этом с вами говорим!.. И это не стыдно совсем.

Еще меньше, например, в этом понимает Большой городской магистр – высокого крупного сложения, одетый в мелкую клетку джентльмен, пожилой, огненно-рыжий. Он как-то раз

обмолвился, что полагает все вышеприведенное основой деятельности Городского магистрата, а если уже такие люди... Его обуревают проблемы нечетности.

А потом за какие-то заслуги я стал старшим вычислителем соотношения четности и нечетности, и тут уж стало совсем худо, потому что приходилось без конца думать о них обо всех там, возле королевы, а это поверьте мне, буквально невыносимо... Королева, надо полагать, ощущала все это наиболее бестелесно, и нам бы поучиться у нее такому исключительному восприятию, когда вроде и во всем, и нет тебя нигде, но, как я уже отмечал, нас этому не учили, нас ничему не учили, ничему и никогда.

Она, кроме прочего, божественна и так трогательна, когда бывает проста с нами. У меня был друг-дурак, служил там музыкантом. Так вот, уверяет, что как-то утром она встала в совершенно невыясненном настроении и написала стихотворение, и по сей день являющееся большим явлением. Она написала так:

Из-за моста вылетает
Птичка, а как бы с усами.
Птичку зовут покорник.
Все, что они не успели,
Тоже мы сделаем сами
В этот заметный вторник,
Очень чудесный вторник
Многопрекрасный вторник.

Я должен, конечно, оговориться в этом смысле насчет среды. Среда – вот всегда была проблема, в смысле из-за надвигающегося предчувствия беды (или предчувствия надвигающейся беды? Ах, я не знаю!..). Потому что в среду все ощущалось ближе к четвергу. В четверг становился кризис, и она ужасно страдала, бедная, мы так все переживали, просто сердце разрывалось на части, на пятки, и душа корежилась в муках, мы мучились вместе с нею, проходя через горнило возвышеннейших порою страданий, а ведь все они имели под собой еще какие основания, кошмар какой-то. Двор был мрачнее и мрачнее, к вечеру особенно, а потом разразилась просто какая-то истерия чувств, потому что все понимали, да – понимали. И признавали, что вот так – всё, всё уже.

Пятница же, напротив, была вдруг совсем светлой и нежной, и всех отпускало – такой тихой и радостной, иногда только маленькие белые облачка пробегали. После нее жизнь в субботу казалась случайностью.

Мой друг, служивший при дворе музыкантом и, по-моему, из-за этого съехавший окончательно, но такой талантливый, это описать невозможно (да и зачем уже сейчас...), был человек как человек. Потом получил это назначение – нет, многого, конечно, добился, стал отдаляться от нас мало-помалу, потом и вовсе – бросил пить. В-общем, сдох все равно от почек и очень мучился перед этим. Мы все стояли кругом и думали: эх, брат, мы бы каждый за тебя немного поболели, каждый бы жил чуть хуже и меньше, зато – вместе; что теперь попусту говорить.

В-общем, так и ушел, но, когда перешел в окружение прямо к королеве, стал писать дневники, что, конечно, паразитально, потому что никогда такого за ним не водилось, никто бы и подумать не мог. Они у меня хранятся, так, кое-что.

“ ... Мне так хорошо, и я иду на работу с радостью. Она такая светлая, эта мысль и, когда идешь, воздух как бы раздвигается и так приятно, если вспоминаешь, как тебя и любят, и ценят. Может, любят – это я немного лишнее говорю, я ведь этого совсем не знаю: меня, может, никогда и не любили, я имею в виду, до этого. Но у меня есть надежда полагать. Потому

что это так много – находиться там, куда я сейчас попал – и я должен быть счастлив. А то, как же иначе. Это было бы просто безумно и глупо.

Я склонен думать, что многого не помню или, вернее, помню не то, что надо. А что надо помнить, я тоже не знаю, кто мне, в конце концов, говорил. Я вот думал – получается так: на самом деле же ничего нет, правда? Я имею в виду такие вещи, как горе – правда, один раз было, как будто; я был одет, как на прием, потому что и должен был быть прием, а они стояли в коридоре, и так приятно приветствовали, и заботливо, и еще сказали вдобавок как бы: *“Смотрите, осторожнее, потолок низкий, как бы не проломить”*, и засмеялись, гадко так вдобавок, вдогонку, я имею в виду.

Но я не очень переживаю, потому что нельзя, даже если ты захочешь, невозможно – зачем же, если так все хорошо? Если разве что вдруг отвлечешься от своего, потому что у королевы, божественного предназначения, – ну, и что, и что тогда? Не знаю, зачем эта какая-то, с непонятно откуда звучащим голосом – я там рос? – но я же нигде не рос... коридор, всегда узкий. Кошек какая-то шерсть; она свалилась там, где-то сбоку, на полу, рядом с каким-то ковриком. Вонь-то... тихая и злая.

Я обратил внимание, как красиво и удобно получается, если я улежусь на стол (только сидя) потихоньку, удобнее, и обхватываю голову правой рукой, так, чтобы она захватывала всё с другой стороны, у меня это очень получается, и замечтаю. Это очень хорошо, и никому не обидно, и какое-то время так можно. Я даже больше скажу, (то есть, могу сказать, а то если это никому не надо? – я стал в последнее время очень осторожный...) – я скажу так, что это польза. В смысле, она может получиться, если я так замечтаю, потому что тогда хочется сделать людям добра, а оттого бывает только польза.

Что обидного, если я попью портвейна с какими-то слесарями? Попробуйте, найдите изъян в рассуждениях.

.....

Я взлетаю, когда я вспоминаю о любимой...

В тот, такой знаменательный день, замечательный день, так получилось, я должен был присутствовать – я же был приглашен! – на вечер, который королева устраивала в честь. Мне трудно передать впечатление, мне трудно все переоценить. Дело в том еще, что вечер, возможно так сказать, был неформален, вы понимаете, надеюсь, что это для меня?

Это была такая магия, такое волшебство. Нас было собрано в центральном зале, только не в большом центральном, а в малом, том, который сбоку слева, если смотреть от *Её* стороны, откуда она входит. Так вот, она вошла, почти никем никогда не сопровождаемая, то есть, тогда не сопровождаемая, я хочу сказать, так легко, как нету будто всей этой жизни, и овеваемая токами жизни и *особого к ней*, к жизни, желая, вызывая его же в нас во всех, и так мудро и просто, что я хочу это постичь, как если бы это было самым важным для меня вообще, а может, так оно и есть?

На мне еще был мягкий отложной воротничок без вставки. Она, проходя мимо, неожиданно погладила меня и... По голове погладила, одним движением руки, и я все понял и перевернул свою жизнь в очередной раз, только на этот раз правильно, я... Воздух, такой воздух был вокруг. И мы пели, и обсуждали разные темы, по сути дела, очень важные и очень актуальные, и ощущали важность того, что говорим, и очень, очень любили друг друга.

После беседы был подан всем холодный коньяк”.

Шиз.

Пойду, искупаюсь. Умер ведь человек как.

Сейчас уже никто не скажет точно, где и когда всё по очереди происходило. Те, кто помнит – им это не нужно. Те, для кого это важно, не понимают ничего вообще и нельзя их вообще ни до чего допускать. За этим следит целый отдел, говорят, с очень большими, просто огромными полномочиями. То, что происходило на площади – это точно. В таких вещах вообще не бывает сомнения. Почему – это уж дело хозяйское, как хотите...

Возьмем, к примеру, редакцию. Очень неуютное ощущение во всем существе. Так бывает, когда надо рассказать о чем-нибудь спокойном, больном и заурядном, и что только один-два человека и понимают.

Трудно, очень трудно. Но здание редакции существует, и продают перед ней пирожки, и летают голуби, а площадь пересекает небольшой генерал с портфелем. В здании в комнатах висят репродукторы, в которых иногда звучит концерт артистов заграничной эстрады. Все очень удивительно преломляется, и чем меньше кабинеты, тем больше в них людей. Все ненормальные. В редакциях не работают нормальные люди. Перед зданием опять продают пирожки. Почему они не с голубями, интересно?

В комнатке (кабинете) секретарши секретаря редакции висит ужасная, нервная картина “Июль”. Идиотов мало, и в целом все на редкость хорошие люди, это правда очень хороший коллектив подобрался.

У одного из Заместителей Главного редактора невралгия тройничного нерва. Не разбираюсь в этом, но, говорят, очень больно.

Редакция как редакция. Пирожки кончаются. Из картины “Июль”, по мнению одного из сотрудников, вылезают гады и пожирают все живое. Начинается обеденный перерыв.

Из сказанного следует, что от города ничего не осталось. Продавщицу в маленьком магазине на площади – спокойную, но противную женщину – увезли два часа назад, потому что, отвечая на какой-то вопрос покупателя, она рассказала, что ее очень напугала вчера передача “Погода всех узот” и пыталась убежать из магазина, бедняжка. Бедный покупатель. А вот, вдруг у него получится от этого иммунитет, и риска, что его тоже увезут, не будет больше?.. Дай Бог тогда каждому такую продавщицу.

По этажам редакции мечется хриплая режиссерша и готовится к интервью с Первым Заместителем Главного редактора.

– Последние изыскания Главной Редакции? – спрашивает ее умноватый референт Первого Заместителя. – Следует отметить, что последние годы были особенно, качественно по-новому продуктивны в деятельности научно-изыскательских фирм, подразделений и объединений Главной Редакции... А, это вы еще не снимаете... УЖЕ не снимаете?.. Что значит – сейчас начнете? Прошлого не вернешь, дорогуша. Я продолжаю. Суть открытия состоит в том, что человечество издавна, с самого момента появления такого жанра, как гравюра, задавалось вопросом о структурном строении как самого феномена, так и понятия “гравюра”, приходя каждый раз к догадке о том, что гравюра – и как феномен, и как понятие – должна состоять из универсальных структурных элементов. Изыскания последних лет – но об этом надо говорить очень осторожно (поэтому, пожалуйста, не опирайтесь на этот стул, а то грохнетесь – мало не покажется) – позволяют предположить, но об этом, пожалуйста, между нами, милочка, – мне думается, что разглашение было бы преждевременным, – что гравюра в целом, и концептуальном, хотя и экзистенциальном своем единстве состоит из *гравур*. А гравуры, в свою очередь, и образуют гравюру, но это, понимаете, очень трансцендентно, это еще далеко от окончательного какого-либо вывода, к которому по сути, и призывает нас сам феномен.

– Как мило, – хрипло говорит режиссерша. – А вот что Вы думаете насчет художественного произведения в целом? Есть ли надежда, что читатель, зритель, да и писатель, я бы сказала, получит какую-то, вот, надежду, что ли, насчет художественного произведения в целом?.. Если я не слишком далеко зашла, конечно...

– А-а... ну, я бы так сказал, что практически любое художественное произведение состоит из *feat*Ур. Если мы, скажем, конечно, будем исходить из продолжения перспектив существующей на данный момент теоретической базы...

– Ты давай, быстрее, – говорит Первый Заместитель Главного Редактора электрику, в подсобном помещении у которого, в подвале, сидит. – А то мне надо свалить, пока эта обдолбанная не догадалась своё интервью брать. И машина ждет.

– Хорошо тебе, – замечает электрик и наливает Первому Заместителю в стакан водки. – Сыр вон бери.

– Чего же хорошего... – меланхолично отвечает Первый Заместитель. – Он у тебя пахнет невытой женщиной и моими носками, когда я был на втором курсе, одновременно. Я же тебя просил: другого купи, который с самого боку лежал. Ты это радио выключить не можешь? Меня обязательно надо до конца убить?

– Оно не выключается.

– Что за .. твою мать !!!

– Да что ты психуешь! – говорит электрик. – У тебя сейчас водяра закипит. И чего ты пацана за ней гонял. Не мог портвейна выпить?

– От него долго воняет, – говорит Первый Заместитель. – Это раз. Во-вторых, он плохо действует на печень. Если у тебя есть запасная, одолжи мне, и я буду жрать с тобой этот портвейн до скончания века. Я еще жить хочу. Надо же, какие суки, не могли они прямо ничего другого по радио передавать. Это им надо сейчас, когда я водку пью, твари. Ну, давай!..

Выпив водку до конца и обсудив с электриком все проблемы, он поднимается из подвала ему известным хозяйственным лифтом, выходит в маленький черный дворик, где его никто не ждет, и, обогнув угол, оказывается на хмурой прохладной улице с нависающими облаками – а там, по обыкновению, чуть дальше второго парадного его ждет большой черный автомобиль Первого Заместителя. Он направляется к нему и, отсекая даже стремление приблизиться двух-трех наивных посетителей и просителей (и не в картине ли “Июль” они все живут, интересно?), оказывается в машине, дверь которой закрывается, как бесшумные ворота. Черный космический цвет и совершенные до жути формы отъезжают в несколько движений с незнакомым смертному звуком. Очнувшись в машине от улады общения с электриком, Первый Заместитель, затуманенный и травмированный парами водки, вспоминает, что ему совершенно некуда ехать. Водитель это прекрасно понимает, и они едут, и едут, и едут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.